

Свиридов — величайший композитор современности, явление особой силы и особой значимости, фигура исторического масштаба для всей русской культуры, несомненно, и для культуры мировой.

Его имя смело можно поставить в ряд имен национальных гениев России. Начав с Пушкина, Глинки, Рублева и продолжив этот ряд, мы придём к Свиридову.

Музыка его вольно разлилась по земле нашей, принесла ему безмерную славу, великую любовь и почтение народа. Ее знают, ее хотят слушать: в ней отсвет красоты и гармонии мира и обволакивающая энергетическая сила.

Музыка Свиридова живородна, она — продукт процесса, сходного с появлением на свет всего живого. В ней струится кровь, отдается стук сердца.

Когда я слушаю музыку Свиридова — эти мерцающие и полыхающие звуки, я становлюсь иным, чем в другое время. Не так я вижу, слышу и понимаю, не столь измученными, убегающими, а осветленными представляются основы жизни, ее крайний, сокровенный смысл.

Царство мелодии, изысканной гармонии, отточенных форм, душевной поэзии — его музыка.

У него способность все превращать в первооснову музыки — мелодию.

Мелодический дар — особый дар. Он очень редок. Композиторская надежда — не в полной мере, наберется немного. А ведь уже одна мелодия, без всякого аккомпанемента, может явиться законченным произведением искусства (таковы однолосные народные песни!).

И мне представляется, что в начале, в невероятно далекие, заповедные времена была Песня и от нее, той первой на Земле Песни, через всю историю человечества потнулась нескончаемая нить, прошедшая сквозь творчество самых великих и незабываемых музыкантов. И сегодня «потомки» этой Песни — в дивных мелодиях Свиридова.

(Окончание на 7-й стр.)

Кусьмура. — 1995. — 16 дек. — с. 7.

Золотая осень Георгия Свиридова

Юбилей

Кусьмура. — 1995. — 16 дек. — с. 7.

Золотая осень Георгия Свиридова

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Все его творчество — Песня. У Свиридова поет все — солисты, хор, фортепианное сопровождение, даже рассыпающиеся хрустальные звоны — одна из волшебных примет его звуковой палитры.

За каждой мелодией — ярчайший образ, громадное чувство, остров переживания.

Вокальные произведения — романсы, песни — это галерея портретов, сочных, зримых, жаровые сценки, размышления и исповеди.

Хоры в кантатно-ораториальных произведениях — живые картины народной жизни. Они сродни могучей стихии Мусоргского.

В симфонических произведениях тончайшие пейзажи Родины и тяжёлая поступь эпохи.

То, что сказано, могло бы быть одним из возможных ответов на вопрос, историю которого я хочу здесь передать.

В незапамятные тридцатые годы в Ленинград из Москвы пришла телеграмма. В ней значился вопрос: «Кто такой Свиридов?». Задан он был известной певицей, в руки которой попали романсы не знакомого ей композитора. Ей хотелось петь эту музыку. Такое бывает нечасто — не имя, а сама музыка побуждает исполнителя включить сочинение в свой репертуар.

Я не знаю, что тогда ответили на этот вопрос. Вероятно, что это очень талантливый, подающий большие надежды молодой композитор. Сегодня существует множество подробных ответов — в критических статьях, монографиях, рецензиях. Но главное — на него отвечает огромное в своей значимости творчество Свиридова, сама его музыка.

Пушкинский цикл (о нем шла

С этими двумя русскими гигантами Свиридов уже не расстается. И вот что нужно отметить: язык его становится богаче, утонченнее. Но нигде не меняется, не перестраивается, не поддается никаким влияниям, как некогда была его эстетическая и этическая позиция.

Разрастается мир Свиридова. Уникальны по своим достоинствам родниковые чистые «Курские песни», остроудрамматический «Концерт памяти Александра Юрлова» (многолетнего сподвижника Свиридова), сурово-эпические хоры к театральной трилогии А.К.Толстого, сияющий «Пушкинский венок», затаенные «Гимны Родине».

Свиридов активно участвует и в общественной жизни как член различных комитетов, обществ, в жюри конкурсов. Он много делает для развития нашей культуры.

Некоторое время Свиридов был первым секретарем Союза композиторов РСФСР, деятельностью которого он старался возвысить, довести до уровня сосуществования талантов, не всегда значительных, но често занимающихся своим делом и не забывающих о делах больших.

Одну из важнейших задач союза в тот период он видел в осуществлении грандиозного плана — выпуска многоголосного Свода русских народных песен. Это не получилось тогда, и до сих пор сделаны и застыли лишь первые робкие шаги. А дело — великой важности.

На этом посту Свиридов провёл всего несколько лет, и, может быть, и неплохо, что он не был брошен надолго в гущу нашей хорошо организованной в ту пору композиторской жизни. Человек внутренней высоты лучше видит на расстоянии — панорамно. Слух его должен

Георгий Свиридов репетирует с Евгением Нестеренко, 1978 г.

тельные краски. Все дышит особой прелестью, особой музыкальностью.

У Пушкина осень — любимое время года, период в работе чрезвычайно плодотворный.

Свиридовская Осень отмечена созданием грандиозного хорового цикла «Песнопения и молитвы», который трудно сравнивать как с духовной классикой, так и современными образцами, связанными с этой тематикой, настолько своеобразен он, не каноничен, так трепетно близка эта музыка современнику.

Это даже как-то странно: жестокое время и — нежнейшие оттенки душевных чувств и святого восторга, парящие высоко над нерадостной прозой нашей жизни.

Но, как говорил сам Свиридов в связи с исполнением хорового концерта «Пушкинский венок», «именно в такие бурные времена возникают особо гармоничные художественные натуры, воплощающие в себе высшее устремление человека, устремление к внутренней гармонии человеческой личности в противовес хаосу мира».

Может быть, и этим, а не только долгим запретом объясняется такой громадный сейчас интерес к музыке духовной, строгой, возвышенной и чистой. И тем, что писать в жанрах духовной музыки теперь считается, говоря современным языком, престижно. Находясь в полубеззвучии духовная музыка, наконец допущенная в концертные залы под своим собственным именем, магически привлекала и слушателей, и композиторов, ставших последователями ее старых творцов. Да и некоторые авторы сложного письма решили «отдохнуть» на ее материале — простом, но весьма модном.

Первое время казалось, что у всех получается интересно. Потом уши наши, недостаточно воспитанные и разбирающиеся в этом особом разделе русской музыки, обрели большую чувствительность. Стало заметно, что многие из этих новых духовных сочинений не смогли пойти дальше реконструкции старых образов.

У Свиридова совершенно другое. Он создал по сути свой новый жанр, где музыка свободна, современна, насквозь индивидуальна, ярчайше выразительна.

Это — Свиридов, здесь его слезы, его печаль, его радость и любовь.

После исполнения «Песнопений» вдруг особенно ясно открылось мне, что вся музыка Свиридова истинно религиозна, не в упрощенно церковном значении этого слова, а в восприятии цельного, устремленного в идеальное, мироустройство, озаренного светом и радостью, во всеохватной гармонии Вселенной.

Из тех же мягчайших, светлых нитей, что и «Песнопения», сотканы «Ночные облака», «Гимны Родине», «Петербург-

ские песни», «Поэма памяти Есенина», «Светлый гость» (остановимся, иначе придется переписать названия всех произведений Свиридова).

Не буду говорить об этом много, потому что это уже подмечено и отмечено, и я хотел бы вспомнить другого великого пантеиста Иоганна-Себастьяна Баха, чье наследие и духовное, и светское также проникнуто религиозным единением с миром.

Каждое сочинение обоих творцов как бы получило лучистый, ласковый взгляд солнца, окроплено теплым, добрым дождем и просто, легко и чисто вписывается в естественную природную картину, национальный ландшафт.

Есть это сходство между Свиридовым и Бахом, но, конечно, музыка Свиридова — музыка другого времени, другой, особенной земли, другого, удивительного народа.

Голос Свиридова — голос русский, в характере, интонации, широте и звончатости, голос близкий и понятный. И здесь я хочу вспомнить одно его очень русское сочинение, называющееся «Музыкальные иллюстрации к повести Пушкина «Метель», — утонченно поэтическое, благородное и, как говорили встарь, «равнодушно» уму и сердцу — самых разных слоев любителей музыки. Как проникло оно, как запало в души миллионов наших слушателей, как поразило и слушателя зарубежного! Фрагменты «Метели» бесконечно часто звучат в концертах и по заявкам на радио и телевидении. Мелодии «Метели» можно услышать в исполнении уличных музыкантов.

И видится музыка Свиридова огромным деревом, корни которого глубоко в родной земле, а листья широко распростерлись над ней.

И я не буду писать о том, что Свиридов уже оставил свой великий след в искусстве. Следы — это тогда, когда со творенное художником стало наследием, ушло в прошлое, хотя бы и навечно.

Свиридов уходит в будущее. Перед началом симфонического концерта или музыкального спектакля раздается ясный звук гобоя (кстати, одного из любимых инструментов Свиридова), как бы рождая, сзывающего музыкантов к общему делу. Они настраиваются на этот чистый тон. Так, мне кажется, процессы, происходившие в нашем веке, после многих исканий, блужданий все яснее начинают устремляться к этому истинному, незамутненному тону искусства.

Он у Свиридова — этот тон наступающего века, в который искусство войдет очищающимся, облагороженным вновь естественной, а не косметической красотой, способным не удивлять и эпатировать, а — пленять.

Ему — Грядущему Искусству есть на что равняться!

речь), отмеченный печатью удивительной для девятнадцатилетнего автора зрелости, стал звонкой Весной творческой жизни Свиридова. Начало яркое. Что будет дальше? Проследим это вкратце.

Свиридов интенсивно работает. Ему не приходится тратить время на ошибки и зигзаги в поисках своего пути. Этот путь изначально определен. Надо идти по нему, не сбиваясь с него, не поддаваясь зову моды, не слушая сладких похвал критиков, учитывающих, что сегодня в цене, и не волнуясь по поводу вечных ценностей.

Странник со своим посохом, знающий свою дорогу, — вот кто такой Свиридов!

В пятидесятые годы его дорога пролегла через поэзию Исаакяна и Бернса.

Если начало было Весной, то теперь он пришел в свое Лето. В вокальных циклах, созданных на слова этих поэтов, поражают глубокое прочтение поэзии, скульптурность как бы из самой жизни выхваченных образов, классическая согласованность входящих в циклы частей. Горячим поклонником этих сочинений становится Шостакович.

И вот полыхнули жарким огнем новые художественные открытия — с неслыханной доселе силой и пронзительностью мы узнали в музыке Есенина его мир крестьянской избы, лесов и пашен, и бесконечных космических далей. Это «Поэма памяти Сергея Есенина», «У меня отец — крестьянин», «Деревянная Русь», «Светлый гость», хоры (позднее — поэтически философская «Отчалившая Русь»).

Дальше Свиридов чертит новую траекторию — к возвышенным, печальным и таинственным образам Александра Блока — «Петербургские песни», «Ночные облака», «Песни безвременья», множество романсов.

быть защищен от чрезмерного повседневного шума. Скрипящая суета жизни не должна затолкать его и снизить масштаб его идеи.

Все зная о жизни, в частности, и современной музыкальной, Свиридов держится с тех пор несколько в стороне от цеховых дел профессионалов, но мы слышим не только его музыку, но и его голос в радио- и телепередачах, в газетных и журнальных статьях, на юбилейных торжествах, посвященных великим людям мировой культуры.

А теперь он и сам юбиляр... Была у Свиридова Весна, было Лето. А сегодня — Осень, Золотая Осень. Когда лес в багрянце, но ничего еще не утрачено из своего убора. Ослепи-

ть защищен от чрезмерного повседневного шума. Скрипящая суета жизни не должна затолкать его и снизить масштаб его идеи.

Все зная о жизни, в частности, и современной музыкальной, Свиридов держится с тех пор несколько в стороне от цеховых дел профессионалов, но мы слышим не только его музыку, но и его голос в радио- и телепередачах, в газетных и журнальных статьях, на юбилейных торжествах, посвященных великим людям мировой культуры.

А теперь он и сам юбиляр... Была у Свиридова Весна, было Лето. А сегодня — Осень, Золотая Осень. Когда лес в багрянце, но ничего еще не утрачено из своего убора. Ослепи-

ть защищен от чрезмерного повседневного шума. Скрипящая суета жизни не должна затолкать его и снизить масштаб его идеи.

Все зная о жизни, в частности, и современной музыкальной, Свиридов держится с тех пор несколько в стороне от цеховых дел профессионалов, но мы слышим не только его музыку, но и его голос в радио- и телепередачах, в газетных и журнальных статьях, на юбилейных торжествах, посвященных великим людям мировой культуры.

А теперь он и сам юбиляр... Была у Свиридова Весна, было Лето. А сегодня — Осень, Золотая Осень. Когда лес в багрянце, но ничего еще не утрачено из своего убора. Ослепи-

ть защищен от чрезмерного повседневного шума. Скрипящая суета жизни не должна затолкать его и снизить масштаб его идеи.

Все зная о жизни, в частности, и современной музыкальной, Свиридов держится с тех пор несколько в стороне от цеховых дел профессионалов, но мы слышим не только его музыку, но и его голос в радио- и телепередачах, в газетных и журнальных статьях, на юбилейных торжествах, посвященных великим людям мировой культуры.

А теперь он и сам юбиляр... Была у Свиридова Весна, было Лето. А сегодня — Осень, Золотая Осень. Когда лес в багрянце, но ничего еще не утрачено из своего убора. Ослепи-

ть защищен от чрезмерного повседневного шума. Скрипящая суета жизни не должна затолкать его и снизить масштаб его идеи.

Все зная о жизни, в частности, и современной музыкальной, Свиридов держится с тех пор несколько в стороне от цеховых дел профессионалов, но мы слышим не только его музыку, но и его голос в радио- и телепередачах, в газетных и журнальных статьях, на юбилейных торжествах, посвященных великим людям мировой культуры.

А теперь он и сам юбиляр... Была у Свиридова Весна, было Лето. А сегодня — Осень, Золотая Осень. Когда лес в багрянце, но ничего еще не утрачено из своего убора. Ослепи-

Фото Валерия Лозикова